

Алексей Будищев

Урод



Алексей Николаевич Будищев

Урод

Аннотация

«Пятилетняя Анка сидела на завалинке своей полуразрушенной хаты и широко открытыми глазами глядела на галдевших перед нею мужиков. Грязная улица сельца Панкратова погружалась во мрак; коричневая крыша маленькой сельской церкви казалась черною, и торчавшая у самой околицы ветла делалась похожею на стог сена. А в темном апрельском небе ходили тучи, постепенно одна за другою загорались звезды и красными пятнами догорала в сыром тумане вечерняя заря...»

Алексей Будищев

Урод

Пятилетняя Анка сидела на завалинке своей полуразрушенной хаты и широко открытыми глазами глядела на галдевших перед нею мужиков. Грязная улица сельца Панкратова погружалась во мрак; коричневая крыша маленькой сельской церкви казалась черною, и торчавшая у самой околицы ветла делалась похожею на стог сена. А в темном апрельском небе ходили тучи, постепенно одна за другою загорались звезды и красными пятнами догорала в сыром тумане вечерняя заря.

Анка сидела на завалинке и ёжилась от сырости. Порою ее глаза широко раскрывались, она точно припоминала о чем-то непонятном и углы ее губ начинало подергивать; она готова была расплакаться, но когда к ее коленям подходила черная собака Арапка, девочка повертывала к ней свое личико и начинала беззаботно играть с ее кудлатым хвостом. Между тем, крестьяне продолжали беспорядочно галдеть перед нею, решая участь девочки. Как-нибудь ее нужно пристроить, так как она осталась сиротою. Три дня тому назад, ее мать, безродная вдова Марья Перфилиха, умерла и сегодня утром ее высохшее и застывшее тело предано земле. Родственников у Марьи Перфилихи не было ни души, и Анка осталась совершенно одинокою, если не считать кудла-

тую собаку Арапку. Девочку куда-нибудь нужно было определить, но никто из крестьян взять ее к себе не желал: каждому лишний рот в семье был бы в тягость. Мальчика каждый взял бы с охотою, мальчик иное дело, а девочка – девка одна обуза. Полуразвалившуюся хату Марьи Перфилихи брал за долг Евграф Глухой и, таким образом, Анка оставалась даже без пристанища. Евграф Глухой, в то время как мужики решали участь Анки, уже оглядел хату со всех сторон, внимательно выстукал и выслушал нижние венцы сруб и мысленно решил через неделю разобрать хату до основания и из полусгнивших бревен выкроить небольшой амбар. Хата, казалось, знала, что дни ее сочтены и панкратовское общество единогласно подписало ей смертный приговор, и она глядела на Евграфа Глухого своими подслеповатыми окнами с тем усталым равнодушием, с каким глядит изъезженная кляча в лицо живодера, засучивающего рукава своей рубахи.

Между тем, к галдевшим мужикам, решавшим участь сиротки, подполз на четвереньках урод Егорка; он пробрался, расталкивая руками их колени, дополз до собаки и, обхватив ее шею, стал кувыркаться с нею по земле. Анка даже рассмеялась, а Евграф Глухой крикнул уроду:

– Ах ты, кренделем ноги, чтоб тебя!

Урод тоже рассмеялся в свою очередь.

Урод Егорка не панкратовский уроженец. Пришел он в Панкратово три года тому назад Бог весть откуда и с тех

пор живет у старого деда Лазаря, уплачивая ему за квартиру 30 коп. в месяц. Ростом он с аршин и принужден ходить на четвереньках, так как его ноги странным образом переплетены до колен и загнуты назад. Стоял он всегда на коленях, а при ходьбе опускался на четвереньки, опираясь на кулаки, отчего они у него загрубели и потрескались, как волчьи пальцы. Занимался он плетением корзин, лаптей и верш, а каждое лето, кроме того, нанимался караулить бахчу у помещика Синицына. С такою работою он справлялся легко. Его длинные руки были сильны и бегал он, хотя и на четвереньках, но весьма быстро. В настоящую минуту его возня с собакою рассмешила мужиков и они прекратили свой спор. Евграф даже предложил сходу пока ничего не решать относительно Анки... На этих днях он рассчитывал побывать в соседнем селе Дылдове; в Дылдове мужик позажиточней и, может быть, там кто-нибудь возьмет Анку в приемыши. А пока ее можно оставить жить в ее же хате, приставив к ней для надзора глухую бабушку Солмонида, а кормить ее эти дни можно подворно, как мирского пастуха. Это предложение было принято единогласно и мужики стали расходиться. Скоро их говор смолк в темной и сырой улице сельца Панкратова. У покосившейся хаты покойной Марьи Перфилихи остались Анка, глухая бабушка Солмонида, Арапка и урод Егорка. Анка с грустным личиком сидела и ёжилась на заваulinke. Бабушка Солмонида подошла к ней, взяла ее на руки и понесла в избу, а Егорка и Арапка последовали за нею.

Арапка остался в сенях, а Егорка пробрался в избу. Он все глядел на личико Анки и точно о чем-то думал. Его безбородое и изрытое морщинами лицо было сосредоточенно. Бабушка Солмонида, впрочем, не обратила на него ровно никакого внимания. Она улеглась вместе с Анкою на печке; Анка сперва о чем-то плакала и всхлипывала, а бабушка Солмонида ее вполголоса утешала. Но, наконец, они обе заснули и зашвистели носами. В избе стало тихо; только с далеких пойма долетало порою в избу одинокое побрякивание утки. И тогда Егорка почмокал губами, покачал головою и стал укладываться на ночлег – тут же, в углу хаты. Его сердце точно чем-то сверлили. Он снял свой заплатанный кафтан, подложил его в изголовье и начал тихонько разувать с своих колен лапти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.